

Василий Вонлярлярский

Абдаллах-Бен-Атаб

Василий Александрович Вонлярлярский Абдаллах-Бен-Атаб

*изготовление fb2-документа из сетевого источника
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176399
Большая барья: изд-во "Правда"; Москва; 1988*

Аннотация

«Утром рано вошли ко мне трое приятелей моих, с которыми сблизило меня море: мы познакомились на марсельском пароходе «Ville de Bordeaux».¹ Один из них подал мне распечатанное письмо, в котором заключалось приглашение поохотиться в окрестностях города Мильяны (Miliana); письмо писал капитан спаисов Вервье (Vervie), стоявший с эскадром своим в 12 милях от Алжира, в городке Блиде. На вопрос Евгения Дюпена (Du-Pin), желаю ли я участвовать в предполагаемой охоте, я соскочил с постели, оделся на скорую руку, закурил сигару, и час спустя, то есть в 9 часов, катились мы в алжирском дилижансе по прекрасному шоссе, извиающемуся по гористому берегу моря, между померанцевых рощ и красивых загородных дач, построенных в восточном вкусе...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

14

Василий Вонлярлярский

Абдаллах-Бен-Атаб

Алжир. 25 ноября 1846 года.

Утром рано вошли ко мне трое приятелей моих, с которыми сблизило меня море: мы познакомились на марсельском пароходе «Ville de Bordeaux».¹ Один из них подал мне распечатанное письмо, в котором заключалось приглашение поохотиться в окрестностях города Мильяны (Miliana); письмо писал капитан спайсов Вервье (Vervie), стоявший с эскадром своим в 12 милях от Алжира, в городке Блиде. На вопрос Евгения Дюпена (Du-Pin), желаю ли я участвовать в предполагаемой охоте, я соскочил с постели, оделся на скорую руку, закурил сигару, и час спустя, то есть в 9 часов, катились мы в алжирском дилижансе по прекрасному шоссе, извивающемуся по гористому берегу моря, между померанцевых рощ и красивых загородных дач, построенных в восточном вкусе. День был жарок и ясен. На каждом шагу новая картина представлялась взорам нашим: то длинный караван тянулся шагом – и смуглые лица арабов, куривших трубки, напоминали степь своим присутствием; то прекрасный тильбюри обгонял нас – и в нем улыбалось одно из тех личек, на которые невольно направляется лорнет в большой Парижской опере. Но вскоре дачи стали, редеть, море

¹ Дословно: «Город Бордо» (фр.).

скрылось за холмами, и бесконечная долина *Метиджа* широко разостлалась пред нами, огражденная с запада синеватым хребтом малого Атласа. В 3 часа пополудни дилижанс наш остановился у гостиницы города Блиды, и первое лицо, нас встретившее, было лицо капитана Вервье.

Нахожу не излишним сказать несколько слов о моих спутниках; начинаю с Евгения Дюпена, молодого парижанина, путешествовавшего без всякой цели, милого, любезного и остроумного, как большая часть его соотечественников; господствующею страстью его было – растительное царство: прогуливаясь с ним, каждый из нас обязан был возвратиться с целым собранием сучьев, листьев, луковиц и проч. Всю эту дрянь укладывал он в ящик и возил за собою. Дюпену обязаны мы были знакомством с капитаном Вервье, настоящим типом офицеров спаисов, поседевших в степях Африки и не помнивших числа застреленных ими бедуинов. Капитан был мужчина лет 40, одаренный страшною силою; смуглое лицо его выражало то спокойствие, которое приобретает вечно беспокойною бивачною жизнью; выражался он коротко и ясно, улыбался редко, курил всегда, а в кофейник с коньяком часто забывал наливать кофе. Вот вам капитан Вервье! В довершение всего Вервье был одним из любимцев известного генерала Негрие, который в продолжение командования своего Африканскою армиею сделался известным одною довольно оригинальною привычкою: пока генерал пил чай и курил сигару, перед его окнами вешали

10 арабов, и это делалось аккуратно каждый день. Третий спутник наш был 22-летний швейцарец, некто Франц-Вильгельм-Фридрих-Гольт-Денер, белый, как сливки, и румяный, как земляника. Он был здоров, молод, весел и глуп. Четвертый же, и последний, член общества нашего сэра Вильям Бур, британец в полном значении этого слова, заслуживавший внимание всем своим существом. Наружность его могла быть терпима только потому, что носил ее англичанин; все слова и поступки сэра согласовались с каждою чертою лица его, с обувью, с одеждою, с прическою, с образом ношения рук и даже с образом мыслей. Сэр Вильям Бур был не высок, но длинен, не тонок, но узок, не уродлив, но неуклюж, не стар, но подержан. Глаза его выражали какого-то роду совершенное отсутствие выражения, а говоря, он делал дурно, потому что говорил вздор. Сэр Вильям выехал из Плимута для того, чтобы присутствовать в Мадрите при бое быков и на праздниках, дававшихся по случаю свадьбы герцога Монпансье; но как попал сэр Вильям в Марсель, а не в Мадрит, этого он и сам объяснить не мог. Должно полагать, что сэр не нашел места на том пароходе, который отправился в Испанию, а нашел его на алжирском. Во время переезда через море слуга будил его в 10 часов утра – час завтрака; сэр Вильям с постели переходил к столу и ел за десятерых, пил все, что ни попадалось, и вслед за другими выходил на палубу. Он полез бы и на мачту, если б кто-нибудь сделал это в его присутствии. Мне случалось просиживать на палубе до утра

и молча смотреть на море; сэр Вильям раз подсел ко мне и просидел молча до утра, смотря на море. Рассказы слушал он с большим вниманием и часто улыбался, но никогда, за исключением одного только раза, не вмешивался в общий разговор. В этот раз говорили об иезуитах; вдруг сэр Вильям улыбнулся и с выражением какого-то внутреннего удовольствия объявил, что он видел их вчера при захождении солнца, и что показывал их капитану парохода, и капитан сказал ему, что это они!

Все с удивлением посмотрели на сэра Вильяма, потом вокруг себя!.. То был третий день плавания. В ту же минуту, как нарочно, все общество собралось на палубе, и очень странным показалось нам невидимое присутствие иезуитов на пароходе. На вопрос, где именно видел он иезуитов, сэр Вильям указал пальцем назад по направлению Болеарских островов.

Оказалось по справкам, что сэр Вильям видел не иезуитов, но дельфинов; а как и почему принял он одно за другое, это осталось, как и прочее, неизъяснимо!

По прибытии в Алжир остановились мы в «Hôtel du Gouvernement», а за стеною расположился почтеннейший сэр Вильям. С той минуты за столом нашим ставился лишний прибор, а для прогулок подводилась к крыльцу лишняя лошадь; и тем и другим пользовался верный сопутник наш – и странно было бы видеть нас без него и его без нас! Очень натурально, что экспедиция, предложенная капитаном, не

могла сделаться без драгоценного сэра Вильяма.

В 4 часа пополудни, час спустя по приезде нашем в город Блиду, пообедав наскоро в гостинице, сели мы на коней и выехали в сопровождении трех арабов на дорогу, ведущую в Медею. План охоты, предложенный нам капитаном Вервье, был следующий: от Блиды до города Медеи предполагалось ехать верхом, потому что дорог там не было; пространство это заключало в себе 8 миль. От Медеи, по направлению Мильяны, отлогости гор, покрытых частым лесом, изобилуют множеством крупной дичи. Проехав первые две мили по гладкой долине и оставив вправо соляное озеро, окруженное топкими болотами, мы круто повернули влево и въехали в ущелье гор, которое называют проходом Шиффы (Gorge de la Chiffe).

От постоянных сильных дождей река Шиффа, протекающая чрез горы Атласа, разлилась и произвела то страшное наводнение, о котором так много говорили в 1846 году парижские и алжирские журналы. Дорога, пролегающая большею частию по скалам и утесам между Блидою и Медею, была в несколько часов совершенно уничтожена водою. Целые горы обрушились в бездну, каменные гостиницы и малые селения исчезли с лица земли, и мутный поток Шиффы прорезал себе новый путь, то суживаясь и извиваясь змеею по узким и темным ущельям, то вдруг широко разливаясь по тучным долинам, унося за собою исполинские пальмы и рощи кипарисных дерев.

Малый отряд наш вытянулся в одну линию; во главе колонны ехал сэр Вильям с длинным ружьем за плечами. Путь становился час от часу опаснее, тропинка местами суживалась до того, что арабские кони наши не шли, но цеплялись за скалы, вися над бездною Шиффы. Сердце мое переставало биться, когда, подымаясь в гору, конь мой скользил и падал на колена. Нередко из-под конских ног град камней с грохотом катился в поток, и испуганное стадо обезьян быстро спешило скрыться, перескакивая с утеса на утес и скаля зубы. Нередко над головами нашими горный орел, величины необычайной, взвивался и медленно плыл по воздуху, бросая на нас черную тень.

«Скажите, капитан, – спросил я, – на этом пути существует ли какого-нибудь рода опасность для путешественников?» – «И очень! – отвечал капитан серьезно, – не проходит месяца, чтобы журналы наши не говорили о нескольких жертвах, погибших именно на этом месте; а с тех пор, как дороге размыла вода, опасность еще увеличилась!» Швейцарец снял с плеча свое ружье, осмотрел курки и, взведя их, положил отвесно на левую руку. «В хорошую погоду большого несчастья быть не может, – продолжал капитан, – но в сильный дождь земля и камень, висящие над тропинкою, часто отделяются и, падая, давят проезжающих». – «Но я спрашиваю про другого рода опасность, про нападение арабов». – «О нет! Об этой опасности давно не слыхать». Швейцарец спустил курки и снова повесил ружье свое за спину. День за-

метно склонялся к вечеру, был час шестой; когда мы проехали таким образом еще с полмили, тропинка наша вдруг взвилась, круто обогнула утес, спустилась по отлогости к самой воде и затерялась в золотом песке, покрывающем правый берег Шиффы. Мы остановились, сошли с лошадей; арабы развели огонек, и вскоре походный кофейник капитана зашипел и задымился, а сам он занялся рассыпкою кофейного порошка и мелкого сахара по стаканам нашим. Когда все общество уселось чинно в кружок, разговор сделался общим. Всякой поочередно успел рассказать что-нибудь про свой край, все единогласно удивлялись, как можно жить в вечных снегах России, где дядя капитана отморозил нос, отец оставил кости, а император французов целую армию (а я подумал: «При случае и для другой место будет»), и таким образом, переходя от одного предмета к другому, мы не заметили, как солнце село, а до Медеи оставалось еще 5 миль с половиною, и в том числе самая дурная часть ущелья. «На коней, господа!» – сказал капитан, вставая, и снова караван наш тронулся в путь и въехал в ущелье. Мы ехали молча. Тропинка часто терялась, горы сдвигались, ручей становился сердитее; во многих местах кони наши останавливались, как бы высматривая местность, и снова подавались вперед, недоверчиво передвигая ноги. На всем протяжении пути недавний разлив Шиффы оставил страшные следы; суженный берегами поток вырвал по сторонам необъятные массы земли и образовал пещеры; всякая попытка восстановить хотя малей-

шее сообщение оставалась без успеха. «Долго ли ехать нам этим адским ущельем?» – спросил я капитана. «Еще с полчаса», – отвечал он. «Ну, какова дорожка? – спросил капитан, смеясь, – вот в каком виде были они все во время первых экспедиций наших! прибавьте пули, голод, 60 градусов жару, африканскую лихорадку и прочие немощи, и вы получите довольно точное понятие о той цене, которою купили мы здешние владения наши». Капитан внутренне гордился своими подвигами, а я улыбнулся. Отдавая в полной мере всю должную справедливость храбрости и мужеству француско-африканской армии, не могу, однако ж, не смеяться от всей души, когда премилый, но препустой француз пресерьезно толкует в парижской кофейной о золотых колониях своих в Алжире, существующих – увы! – только в одном пылком воображении завоевателей. В доказательство справедливости слов моих постараюсь вкратце изложить то, что нашел я в француско-африканских владениях, и именно в тех местах, которые, по их же словам, составляют главное поприще действий. Кому неизвестны жертвы, принесенные Францией) в течение 15-летней борьбы с Африкою? Войско, состоявшее в 1835 году из 25 000, увеличилось в 1846 году до 91 000 человек. Треть его погибла от болезней. Правительственные расходы в Африке, доходившие до ста и более миллионов франков в год, равно частные, неисчислимы капиталы принесли следующий результат: частный кредит не существует, и все стены алжирских домов заклеены объяв-

лениями о банкротствах; займы делаются по 60 % на 100 или, лучше сказать, не делаются вовсе. Земли в окрестностях Алжира, Орана и Константины, приобретенные с такою жадностью французами и за высокую цену, получили три назначения: 1) 1/10 часть всей приобретенной земли досталась в удел иностранцам, прибывшим со всех концов мира; руками их она разработалась, покрылась чем-то похожим на фермы, но далеко не удовлетворяет ожиданий колонистов. Причина медленности в успехе колоний состоит в дороговизне всего, в недостатке рук, в неимении скота и лошадей. За перевоз человека из Марселя в Алжир платят 45 и 100 франков, за корову 45, за лошадь 100 франков. Рабочему человеку платят в сутки 5 франков. 2) Другая десятая часть земли, раздробленная на мелкие участки, распродана богатым людям, украсившим их загородными домами, померанцевыми деревьями и множеством цветов. Эта земля окружает главные города и, не принося доходов, служит для владельцев забавою. 3) 8/10 ч. всего пространства приобретена спекуляторами, имевшими одну цель: перепродать ее со временем с барышом. Вся земля эта не обработана и покрыта густою травою и местами – кустарником. Недавно еще правительство новым законом вменило в непререкаемую обязанность владельцам разработать эту землю в положенный срок, угрожая в противном случае лишить их права на владение. За законом последовало понижение цен на земли, но покупателей не оказалось. Но что же делают французы и войско

в Африке? что делают туземцы? Французы и войско целый день шатаются по площадям, улицам и кофейням, играют в кости и карты, не соблюдая ни малейшей дисциплины. Солдаты изредка делают прогулку в горы, колют и вешают бедуинов и возвращаются по домам, а туземцы, испуганные варварским обращением победителей, прячутся в горах, крадут иногда что попадетсЯ под руку, а если представится случай прирезать француза, то прирежут, и, кочуя с одного места на другое, выжидают времен более благоприятных... В каком положении торгорля? Алжирская гавань вмещает постоянно 7 купеческих кораблей, приходящих поочередно с апельсинами, кофеем, винами и разными пряностями. Но что же выменивает африканская Франция на деньги Европы? ровно ничего, и иностранные корабли возвращаются домой без обратного груза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.